

В.И. Плохова

## ДЕТАЛИЗАЦИЯ КРИТЕРИЕВ ПРАВОМЕРНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОЙ СФЕРЕ

Показывается закрепление законности, обоснованности и соразмерности в Конституции РФ, УК РФ. Делается вывод о завуалированной форме закрепления многих содержательных критериев, отражение в одной статье Конституции РФ нескольких, что предполагает корректное указание в жалобах нарушенного критерия. Предлагаются пути совершенствования практики нормоконтроля, реагирования на частые, даже отказные жалобы в Конституционный Суд, намечаются два вектора исследования проблем уголовного права.

**Ключевые слова:** законность; обоснованность; соразмерность; уголовный закон; конкретизация; конституционные нормы; принципы права; нормоконтроль; решения; Конституционный Суд; жалоба.

Во времена меняющихся подходов к реализации уголовной ответственности, возникающих при этом проблем [1. С. 323–328] особенно важно соблюсти условия правомерности ограничения прав человека при формулировании и применении уголовно-правовых норм. Между тем многие из них недостаточно четко, некоторые абстрактно, опосредованно сформулированы в Конституции РФ, постановлениях пленума Верховного Суда Российской Федерации (ПП ВС РФ), является предметом полемики в юридической литературе, а потому сложны при использовании. Неслучайно эти вопросы постоянно обсуждаются на площадках Конституционного Суда РФ (КС РФ) и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Так, 8 февраля 2019 г. в Страсбурге во Дворце прав человека вновь состоялось обсуждение понятия верховенства права, качества закона, в том числе критерия пропорциональности вмешательства в конституционные (конвенционные) права в практике КС РФ и ЕСПЧ.

Чаще всего граждане обращаются в Конституционный Суд РФ из-за несоблюдения определенности нормы уголовного права в узком ее значении (ясность, недвусмысленность) [2. С. 1090–1100]. Удельный вес жалоб на несоблюдение материальных (содержательных) критериев правомерного ограничения прав человека в уголовной сфере, по сравнению с формальными, небольшой, несмотря на то что в количественном измерении, даже в обобщенном виде, их больше (обоснованность и соразмерность), чем формальных (законность). Из 114 изученных определений КС за 2016 г., в которых обжаловались уголовно-правовые нормы, только в 42 случаях (в 36,8%) граждане подавали жалобы на несоблюдение материальных критериев правомерного ограничения прав человека. Однако из-за взаимосвязи как отдельных составляющих обобщенных критериев правомерного ограничения прав человека, так и материальных критериев с формальными [3. С. 17–142]<sup>1</sup> игнорирование такого очевидного и вроде бы простого в толковании формального критерия правомерного ограничения прав человека, как определенность нормы уголовного права, завуалированное вынужденной неопределенностью уголовно-правовых норм, приводит к несоблюдению материальных критериев правомерного ограничения прав, незаконному осуждению граждан.

Так, на обозначенную нами в начале исследования проблему – вынужденная неопределенность нормы, признаки которой закреплены в ст. 138.1 Уголовном Кодексе РФ (УК РФ), и (или) некорректное закрепление, толкование ее признаков – пришлось констатировать, что на довольно частое нарушение прав граждан в виде уголовного преследования и наказания повлияли: пробельность статьи УК, противоречивость нормы и ее толкование регулятивному законодательству (нет определенности нормы), частое отсутствие в приговорах доказательств некоторых признаков состава преступления (некорректное ее применение) [4. С. 207–215].

В жалобах в КС РФ на нарушение материальных критериев правомерного ограничения прав часто указывается большой перечень конституционных норм, которым, по мнению заявителей, не соответствует(ют) статья (статьи) УК РФ, их толкование. Так, из 9 определений, выбранных методом случайной выборки, в четырех жалобах утверждается о нарушении 10–12 статей Конституции РФ, в трех – 5 статей, в двух – 1–2 статьи. Большинство из них – конституционные нормы, в которых содержатся общие содержательные критерии правомерного ограничения прав человека: соответствие закона Конституции РФ, общепризнанным нормам и принципам международного права (п. 4 алгоритма) [5. С. 137–138]. Между тем неточный акцент в жалобах ведет к отказу в принятии ее к рассмотрению, поскольку они не отвечают требованиям, в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой. В связи с этим нуждается в уточнении закрепление формальных и материальных критериев правомерного ограничения прав человека в нормах Конституции РФ [6. С. 15–45]<sup>2</sup>, УК РФ [7. С. 96–104]<sup>3</sup>; необходимо детализировать критерий общей правовой обоснованности ограничения прав человека (п. 4 алгоритма), показать его соотношение с конкретными (фактическая обоснованность, соразмерность); исследовать возможность (невозможность) конкретизации нарушенных критериев правомерного ограничения прав человека в жалобах, механизм совершенствования реагирования даже на отказные жалобы.

Из общей характеристики формальных [8. С. 83–92] и материальных [9. С. 105–116] критериев правомерного ограничения прав человека следует, что одни

из них в конкретной форме закреплены не только в отдельных статьях Конституции РФ, но и в статьях УК РФ. Но даже закрепленные в законах нормы детализируются в решениях ЕСПЧ, КС РФ. Другие не названы в Конституции РФ, но имеются в УК РФ или Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), других международных договорах, подписанных Россией (из-за более раннего, по сравнению с Конституцией РФ, формирования принципов уголовного права [10. С. 118–120] или более позднего подписания Россией ЕКПЧ. Юрисдикция ЕСПЧ признана Россией позже принятия Конституции РФ, с вступлением в Совет Европы). Третьи названы в завуалированной форме, раскрываются в решениях ЕСПЧ, КС РФ, некоторые из них не находят единого понимания ни среди судей КС и ЕСПЧ, ни в юридической литературе.

Так, формальный критерий законности ограничения прав человека (п. 3.1 алгоритма) закреплен в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и ч. 1 ст. 3 УК РФ. Одна из составляющих критерия законности его доступность (п. 3.2.1 алгоритма – обязательность опубликования) закреплена в ч. 3 ст. 15 Конституции РФ. Обеспечивающие критерий законности принципы международного и конституционного права – нет преступления без указания на то в законе, запрет придания закону обратной силы – содержатся в ч. 1 и 2 ст. 54 Конституции РФ, ст. 8, 10 УК РФ. Формальный критерий определенности средства ограничения прав во всех ее проявлениях называется и раскрывается в правовых позициях ЕСПЧ и КС РФ, *вытекает* (т.е. закреплен опосредованно) из прямо закрепленного и в Конституции РФ, и в УК РФ принципа равенства перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 К РФ и ст. 4 УК), является одним из требований общего принципа верховенства права. *Запрет на расширительное толкование уголовного закона во вред обвиняемому*, в частности его применение по аналогии, *обеспечивающий* критерий определенности средства ограничения прав (п. 3.2.2 алгоритма), содержится в решениях ЕСПЧ, толкующих ст. 7 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод». Прямое указание на запрет применения уголовного закона по аналогии содержится в ч. 2 ст. 3 УК РФ. Что касается разумной стабильности закона и обеспечивающих ее условий (непротиворечивость отдельных положений и норм внутри УК РФ; со «стыковыми» нормами регулятивного и деликтного законодательства), а также *предсказуемости последствий ограничения прав*, то они называются в решениях КС, ЕСПЧ, включаются многими теоретиками права в определение понятия принципа правовой определенности как в широком [11. С. 11], так и узком значении [12. С. 68–70]. Кроме того, нельзя игнорировать и того факта, что некоторые формальные критерии выступают средством для достижения других. Так, доступность, определенность, ясность, конкретность, стабильность закона выступают средствами для достижения цели – возможность предвидения, прогнозирования последствий ограничения прав, изменения правового статуса. Возможно, в силу и названных обстоятельств критерий определенности так вольно толкуется на практике, в том числе и Конституционным Судом РФ. Неслучайно

конституционалисты пытаются выработать пределы толкования, конституционное поле толкования норм [13. С. 16–18].

Из 5 формальных критериев правомерного ограничения прав человека (законность, доступность, определенность, стабильность, предсказуемость) только два прямо закреплены в Конституции РФ (законность и доступность), другие вытекают из конкретных конституционных норм, норм-принципов; третьи – опосредованно закреплены и обеспечиваются нормами-декларациями, конституционными нормами о соответствии средства ограничения прав Конституции общепризнанным принципам и нормам международного права, принципами права, характеристика которых относится к содержательным критериям правомерного ограничения прав человека (п. 4 алгоритма – общие содержательные критерии правомерного ограничения прав человека (условно-правовая обоснованность)).

В общих содержательных критериях правомерного ограничения прав человека можно выделить группу названных в Конституции РФ в детализированном виде и общепризнанные принципы, и нормы международного права, конституционные принципы и нормы, не нашедшие отражение в конкретных. Так, равные обязанности, принцип равенства перед законом и судом закреплены в ч. 2 ст. 6, ст. 19 Конституции РФ и ст. 4 УК «Принцип равенства граждан перед законом». Признанный мировым сообществом принцип *non bis in idem* закреплен в качестве фундаментального принципа в ст. 50 Конституции РФ – запрет на повторное осуждение за одно и то же преступление и в ч. 2 ст. 6, ст. 12, 17 УК; принцип вины – в ст. 49 Конституции РФ и ст. 5 УК РФ. Сюда, видимо, следует отнести и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в значении преследования ограничением социально значимой законной цели, для которой оно было введено, и др.

Другая группа критериев – вытекающие из неконкретизированных детализированных многих конституционных норм и названные в конкретной форме в правовых позициях ЕСПЧ и КС РФ. Так, критерий обоснованности средства ограничения прав человека в разных его проявлениях (п. 5, 6 алгоритма) прямо в Конституции не закреплен. На нормативном (правоустанавливающем) и правоприменительном уровнях он вытекает из признаков правового государства, в основе которого лежат многие сущностные признаки принципа верховенства права (многие авторы отождествляют эти понятия), характеристику необходимого в демократическом обществе ограничения, принципа справедливости. Эти требования в завуалированной форме заложены в ч. 1 ст. 1, ст. 2 Конституции РФ, в которых РФ провозглашается демократическим правовым государством, высшей ценностью которого является человек, его права и свободы, ч. 1 и 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, 18, 45, ч. 3 ст. 55 и т.д. Конституции РФ. Обязательность обоснованности на правоприменительном уровне, кроме того, закреплена в ч. 1 ст. 6 УК РФ, названа в ч. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 27.06.2013 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и

Протоколов к ней» [14. Ч. 2 П. 5], более подробно раскрыта в статьях международных документов, решениях Конституционного и Европейского Судов.

Что касается критерия фактической обоснованности ограничения прав человека применительно к уголовной сфере, во всех проявлениях (п. 5.1 и 5.2 алгоритма) только один назван в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ (правда, не в значении соответствия цели и средства). Все остальные критерии выводятся из неконкретизированных статей Конституции РФ (норм-деклараций), выделяются в решениях ЕСПЧ и КС (соответствие правоприменительного акта конкретным обстоятельствам, относимые и достаточные основания для ограничения прав). Некоторые закрепляются и толкуются на отраслевом уровне: УК РФ, ППВС РФ. Видимо, и поэтому не выполняется конституционная обязанность проводить социальную криминологическую экспертизу до и после опубликования закона. Неслучайно поэтому появляются неработающие или неприменимые нормы в УК РФ, а Президент России В.В. Путин вынужден давать поручение Генеральному прокурору РФ об отмене, замене таких норм.

В юридической литературе мало современных исследований (по сравнению с критерием законности и соразмерности), посвященных общей характеристике критерия обоснованности конституционалистами и теоретиками. Особенно второй составляющей необходимого в демократическом обществе ограничения, вызванного социальной и общественной необходимостью. Представителями науки уголовного права часть этого вопроса рассматривается в аспекте криминализации, декриминализации [15. С. 77–100]. На отраслевом уровне журнальные статьи посвящены криминологической, нравственной, научной обоснованности, обоснованности судебных решений, в которых авторы не акцентируют внимания на понятии, составляющих, иногда подразумевая свое видение этого критерия [16. С. 152–158].

Кроме общественной потребности в ограничении, главным содержательным показателем необходимого в демократическом обществе ограничения является соразмерность, включающая и требования к средству ограничения прав (п. 5.3, 6 алгоритма). Критерий соразмерности в разных его проявлениях (п. 5.3 алгоритма) прямо в Конституции РФ тоже не закреплен. Он характеризуется в решениях ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ, выводится из принципа верховенства права; назван в ч. 2 п. 5 названного постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21, но в значении, отличающимся от его толкования в правовых позициях ЕСПЧ и КС, обусловленного компетенцией ВС РФ. В УК РФ он закреплен в ч. 1 ст. 6 – соответствие наказания и иных мер уголовно-правового характера характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. ППВС РФ отождествляет пропорциональность ограничения преследуемой социально значимой, законной цели необходимому в демократическом обществе ограничению. Она вытекает из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, положений ЕСПЧ и Протоколов к ней.

В юридической литературе многими авторами соразмерность признается в качестве общеправового принципа. Приверженцы выводят его из ст. 1, 2 Конституции РФ, в которых РФ провозглашается правовым государством, высшей ценностью которого является человек, его права и свободы, в которых, по утверждению исследователей, отражаются признаки верховенства права [17. С. 25, 32, 160–166, 276–340], принципа справедливости. Принцип справедливости, его определение закреплено в ч. 1 ст. 6 УК РФ. Но ни признаки правового государства, ни принцип верховенства права, ни признаки необходимого в демократическом обществе ограничения четко не определены ни на уровне судей ЕСПЧ и КС, ни в юридической литературе. Даже в отношении термина, который бы обозначал принцип соразмерности, ведутся дискуссии [18. С. 56–70]. Приводимый в литературе тест на пропорциональность [19. С. 242–244] на самом деле представляет собой тест на правомерность ограничения прав [20. С. 49, 133], который шире составляющих критерия соразмерности, названных в решениях ЕСПЧ и КС РФ (см. п. 5.3, 6 алгоритма) [21]. В ППВС РФ № 21 от 27.6.2013 тоже называется несколько критериев правомерного ограничения прав, а соразмерность понимается как один из критериев правомерного ограничения прав [14. Ч. 2. П. 5]<sup>4</sup>. Кроме того, критерий соразмерности нужно рассматривать, как и рассматривается КС РФ, в разных аспектах: внутриотраслевом, межотраслевом, при закреплении признаков правонарушения, при применении норм права. Поэтому он не может быть только качественной, как утверждают некоторые исследователи [22. С. 38–43]. В зависимости от аспекта исследования она может быть качественно-количественной, качественной, количественной. Более того, значения, придаваемые некоторым формальным и материальным критериям, в том числе и принципам права (правовой определенности, правового закона, не дважды за одно и то же и др.), не являются застывшими, конкретизируются и эволюционируют в практике Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, а также других судов. Даже конкретные принципы, закрепленные в статье Конституции РФ, толкуются Конституционным Судом в разных аспектах, выявляя новое значение. Так, несмотря на то, что в ст. 50 Конституции РФ закреплен принцип «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление», при толковании КС распространяет его и на другие правонарушения. Все эти вопросы требуют дальнейшего исследования.

Следовательно, содержательные критерии в меньшей степени, чем формальные, находят закрепление в детализированных конституционных нормах.

Таким образом, из трех обобщенных критериев правомерного ограничения прав человека – законность, обоснованность и соразмерность – больше всего детализирован критерий законности, причем в формальном аспекте. Обоснованность и соразмерность – в основном в конкретных нормах-принципах. Большинство составляющих этих критериев правомерного ограничения прав человека в завуалированной форме закреплены в нормах-декларациях, сформулированы в

международных договорах, решениях ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ. Они требуют особого и постоянного исследования применительно к разным под-разделам обоснованности и соразмерности.

Кроме того, некоторые критерии могут рассматриваться и с формальной и с содержательной стороны. Так, критерий законности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), рассматриваемый с формальной стороны (ограничение на основании закона), с содержательной стороны толкуется в значении ограничения прав человека «на основании обоснованного закона» – требование, вытекающее из принципа верховенства права (ст. 1, 2 Конституции РФ). Поэтому можно говорить о нем как о формально-материальном критерии. Тем более что принцип верховенства права включает формальные, материальные и процессуальные требования к средству ограничения прав. Отсюда *разные критерии правомерного ограничения прав человека могут вытекать из одной (одних) статьи (статей) Конституции РФ*. Например, в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, по правовым позициям постановлений ВС РФ, закреплены три критерия правомерного ограничения прав: законность, обоснованность – соответствие законной цели и пропорционально законной цели. Поэтому в жалобе необходимо акцентировать на нарушенный критерий правомерного ограничения прав, указывать, в каком аспекте конституционная норма нарушена.

Очевидна сложность вопросов, тем более и конституционные нормы, по утверждению исследователей-конституционалистов, нуждаются в совершенствовании [23. С. 5–24].

В такой ситуации объяснимы и небольшой удельный вес жалоб на несоблюдение материальных критериев правомерного ограничения прав человека, и частое указание в жалобах большого количества конституционных норм, и структура статей и материальных критериев в изученных нами определениях Конституционного Суда РФ. Чаще всего в жалобах, в разных сочетаниях частей, называются конституционные нормы-декларации, в которых в завуалированном виде закреплены формальные и содержательные критерии правомерного ограничения прав человека: ст. 1, 2, 15, 17, 18, 45, 46, 55 Конституции РФ. Конституционные нормы с более конкретными характеристиками формально-материальных и материальных критериев правомерного ограничения прав называются реже: ст. 54 Конституции РФ называется в трех жалобах (хотя жалоб, в которых нарушается этот критерий, много, возможно это связано с попавшими в выборку определениями); в двух определениях указана ст. 50 Конституции РФ (в сочетании с другими). Даже когда критерий прямо закреплен в Конституции РФ, в УК РФ четкости в жалобах иногда нет.

Структура материальных критериев, названных в жалобах, выглядит так: в пяти определениях граждане жаловались на несоблюдение принципа «не дважды за одно и то же» и равенства граждан перед законом и судом; в пяти определениях – на несоблюдение критерия соразмерности в разных проявлениях: только соразмерности деяния и ответственности (1), в сочетании с нарушением принципа «не дважды за одно и то же» (3), в сочетании с неопределенностью нормы

(1); в трех – на необоснованность в значении соответствия средства законной цели, а надо бы указывать на соразмерность средства и наказания (1), закона и ответственности (2). В 29 определениях указывается на нарушение формально-материальных критериев: никто не может быть осужден за совершение какого-либо действия или бездействия, которое согласно действующему в момент совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением; не может налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления; запрет на расширительное толкование, отсутствие запрета в регулятивном законодательстве (п. 3.2.1, 3.2, 3.2.2 алгоритма – разумная стабильность закона в широком смысле слова, включающая и обратную силу закона, и непротиворечивость норм).

Во многих жалобах, особенно на несоблюдение формально-материальных критериев, обоснован и оправдан отказ Конституционного Суда в принятии к рассмотрению жалоб, но некоторые требуют более конкретных, обоснованных решений в УК, опубликованной судебной практике, совершенствования практики конституционного контроля. Возможно, Конституционному Суду РФ следует оперативнее реагировать на жалобы, в которых сделан некорректный акцент на нарушенный критерий правомерного ограничения прав человека, указывая на правильный. В современных исследованиях конституционалисты предлагают изменить субъектов подачи жалобы и порядок обращения в Конституционный Суд РФ и расширить обязанности судов в отношении дел, в которых применяются нормы, признанные Конституционным Судом не соответствующими Конституции РФ и др. [23. С. 5, 12–14]. Возможно, в этом ключе в порядке обсуждения, обязать Прокуратуру РФ, Верховный Суд РФ проводить ревизию дел, в которых была применена норма, конституционность которой несколько раз (часто) обжалуется, но жалоба Конституционным Судом РФ не была признана приемлемой из-за некорректного акцента на конкретную составляющую обобщенного критерия правомерного ограничения прав человека. Ведь как показывает практика, неслучайно граждане обращаются неоднократно по одному и тому же составу преступления в Конституционный Суд РФ. Например, на несоответствие Конституции РФ ст. 138.1 УК РФ (в том числе и в предыдущей ее редакции) граждане 4 раза обращались в Конституционный Суд РФ, но норма была признана соответствующей Конституции РФ, жалобы – неприемлемыми из-за некорректного акцента. Спустя 9 лет, после обращения осужденного фермера за приобретение GPS-трекера для слежения за своим теленком к Президенту РФ В.В. Путину, Пленум ВС РФ попытался внести ясность по некоторым вопросам толкования этой нормы, а еще через 7 месяцев внесены изменения в эту статью УК РФ, но проблема до конца не решена [24. П. 7–9; 25].

Не без оснований многократные жалобы на несоблюдение принципа «не дважды за одно и то же», ибо проблемы объема охвата деяний составной нормой и совокупности преступлений, единого сложного и мно-

жественных не до конца решены. Этот принцип сложен в толковании вообще, несмотря на появившиеся солидные исследования. Но много не до конца решенных проблем применения его в уголовной сфере как на внутриотраслевом, так и на межотраслевых уровнях. Неслучайно и ст. 15 УК обжалуется, ибо даже в обоснование введения в УК РФ понятия уголовного про-

ступка отмечалось несовершенство этой статьи. В жалобах отмечается по сути противоречивость этой статьи статьям 30 и 66 УК РФ. Очевидно, что некоторые из этих проблем – давние, требующие более корректного решения на уровне не только постоянно ведущихся дискуссий, но и на уровне Закона. Это показывает второй вектор необходимых исследований.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> В юридической литературе давно отмечается взаимосвязь конкретных формальных и материальных критериев правомерного ограничения прав. Так, авторы монографии «Концепция стабильности закона» в 2000 г. писали, что «в теории права в определении понятия стабильности закона объединяются требования, относящиеся к его форме и содержанию, ибо в них акцент делается на факторах, обуславливающих и обеспечивающих стабильность закона».

<sup>2</sup> Общие аспекты этой проблемы рассматриваются конституционалистами.

<sup>3</sup> Особенности применения конституционных норм, принципов и норм международного права, договоров при толковании норм уголовного права исследуются представителями уголовно-правовой науки.

<sup>4</sup> При этом в силу части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе; преследовать социально значимую, законную цель (например, обеспечение общественной безопасности, защиту морали, нравственности, прав и законных интересов других лиц); являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

## ЛИТЕРАТУРА

1. Плохова В.И. Оценка современных подходов к реализации уголовной ответственности с позиции соразмерности деяния и ответственности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI международной научно-практической конференции. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 323–328.
2. Plokhova V.I. The Use of the Decisions of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation when Investigating the Problems of the Criminal Law of the Russian Federation (Article One) // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 7. С. 1090–1100.
3. Варламова Н.В., Гаврилов О.А., Исаков В.Б., Казимирчук В.П. и др. Концепция стабильности закона / отв. ред. В.П. Казимирчук. М. : Проспект, 2000. 176 с.
4. Плохова В.И. Вынужденная неопределенность норм уголовного права и (или) некорректное закрепление, толкование их признаков (на примере ст. 138.1 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 207–215.
5. Плохова В.И. Алгоритм оценки соответствия законов и правоприменительной деятельности условиям правомерного ограничения прав человека в уголовно-правовой сфере // Уголовное право: стратегия развития в 21 веке: материалы 14 Междунар. науч.-практ. конф. (26–27 января 2017 г.). М., 2017. С. 137–138.
6. Таева Н.Е. Нормы конституционного права в системе правового регулирования Российской Федерации : автореф. ... дис. д-р юрид. наук М. : Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018. 52 с.
7. Плохова В.И. Конституционные и международные нормы в УК РФ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 96–104.
8. Плохова В.И. Условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 83–92.
9. Плохова В.И. Содержательные условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере (общие вопросы) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 105–116.
10. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград : ВА МВД России, 2001. 266 с.
11. Сидоренко А.И. Принцип правовой определенности в судебной практике: имплементация решений европейского суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2016. 28 с.
12. Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности как требование определенности нормы права // Юридические исследования. 2017. № 2. С. 68–80. DOI: 10.7256/2409-7136.2017.2.21970. URL: [http://e-notabene.ru/lr/article\\_21970.html](http://e-notabene.ru/lr/article_21970.html)
13. Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2016. 35 с.
14. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: ППВС РФ № 21 от 27.06.2013. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8352/>
15. Нечаев А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук Саратов, 2017. 331 с.
16. Петрушенко А.Н. Научная обоснованность признаков соучастия в преступлении и их практическая реализация в нормах Особенной части УК РФ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 152–158.
17. Верховенство права и правовое государство : материалы X междунар. науч.-практ. конф. М. : РГУП, 2016. 872 с.
18. Михайлов А.А. Принцип пропорциональности: сущность, практика применения Европейским судом по правам человека, Конституционным судом РФ и значение для совершенствования системы доказывания в современном уголовном процессе России // Уголовная юстиция. 2016. № 1 (7). С. 56–70.
19. Жукова Н.И., Кузнецов В.А., Цветков А.В. Принцип пропорциональности в практике Конституционного Суда РФ // Молодой ученый. 2019. № 5. С. 242–244. URL: <https://moluch.ru/archive/243/56213/> (дата обращения: 01.03.2019).
20. Липкина Н.Н. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно свободы усмотрения государств при осуществлении вмешательства в права и основные свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 225 с.
21. Maunz D. Grundgesetz. 2009. 53. Aufl. S. 109.
22. Малютин Н.С. Проблема оценки соразмерности наказаний в актах судебного толкования (на примере административных штрафов) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7 (56) июль С. 38–43.
23. Карасев Р.Е. Осуществление КС РФ защиты прав и свобод человека и гражданина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2016. 31 с.
24. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : ППВС РФ № 46 от 25.12.2018. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/27537/>

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 сентября 2019 г.

### On Specifying the Criteria of Lawful Restriction of Human Rights in the Criminal Sphere

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2019, 448, 239–245.

DOI: 10.17223/15617793/448/30

**Valentina I. Plokhova**, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: VPlokhova@yandex.ru

**Keywords:** legality; validity; criminal law; specification; constitutional norms; principles of law; norm of control; decisions of Constitutional Court; complaint.

The aim of the article is a detailed specification of formal and natural criteria of lawful restrictions of human rights in the criminal sphere and the perfection of the response mechanism even to rejected complaints. The empirical basis of the research is 114 decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, concerning criminal and legal norms, made in 2016. They were analyzed using concrete and sociological, comparative and legal methods. As a result of the research, the following conclusions were drawn. (1) The practice of the constitutional control over criminal law standards shows a small share of complaints (36, 8%) on the validity of restrictions of human rights. Such complaints contain a big list of violations of constitutional norms although there are detailed descriptions of some of them in the RF Constitution, in the decisions of the RF Constitutional Court and in the judgments of the European Court of Human Rights. (2) Out of the three generalized criteria of lawful restriction of human rights—legality, validity and proportionality—legality is the most specified in the formal aspect. Validity and proportionality are generally expressed in principles. Most elements of these criteria are covertly fixed in declarations; they are formulated in international treaties, judgments of the European Court of Human Rights, the RF Constitution. Besides, some criteria can be considered both in terms of form and content. Hence, various criteria of lawful restriction of human rights follow from one (some) article(s) of the RF Constitution. (3) In the complaint, it is necessary to indicate the violated criterion of lawful restriction of human rights and the aspect in which the constitutional norm was violated. In rejected complaints, the RF Constitutional Court should be informed about the correct aspect of the violated criterion of lawful restriction of human rights, which the Court perceived incorrectly. The Office of the Prosecutor General of the Russian Federation, the RF Supreme Court should be obliged to inspect cases that applied norms, whose constitutionality has been repeatedly appealed, but complaints have not been declared admissible by the RF Constitutional Court due to the incorrect accent on the specific content of the generalized criterion of lawful restriction of human rights.

### REFERENCES

1. Plokhova, V.I. (2019) [Evaluation of modern approaches to the implementation of criminal liability from the perspective of proportionality of action and responsibility]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal law: Development strategy in the 21st century]. Proceedings of the International Conference. Moscow: RG-Press. pp. 323–328. (In Russian).
2. Plokhova, V.I. (2017) The Use of the Decisions of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation when Investigating the Problems of the Criminal Law of the Russian Federation (Article One). *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 10 (7). pp. 1090–1100.
3. Varlamova, N.V. et al. (2000) *Kontseptsiya stabil'nosti zakona* [The concept of stability of the law]. Moscow: Prospekt.
4. Plokhova, V.I. (2018) The forced ambiguity of criminal law norms and (or) incorrect consolidation, interpretation of their features (based on Article 138.1 of the RF Criminal Code). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 433. pp. 207–215. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/433/28
5. Plokhova, V.I. (2017) [Algorithm for assessing the compliance of laws and law enforcement with the conditions of lawful restriction of human rights in the criminal law sphere]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v 21 veke* [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century]. Proceedings of the International Conference. 26–27 January 2017. Moscow: Kutafin Moscow State Law University. pp. 137–138. (In Russian).
6. Taeva, N.E. (2018) *Normy konstitutsionnogo prava v sisteme pravovogo regulirovaniya Rossiyskoy Federatsii* [The norms of constitutional law in the system of legal regulation of the Russian Federation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
7. Plokhova, V.I. (2014) Constitutional and international rules in the Criminal Code of the Russian Federation. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2. pp. 96–104. (In Russian).
8. Plokhova, V.I. (2014) Terms of legitimate restrictions of human rights and freedoms in criminal sphere. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 4. pp. 83–92. (In Russian).
9. Plokhova, V.I. (2016) Substantial conditions for the lawful restriction of rights and freedoms in the criminal sphere (general issues). *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 10 (1). pp. 105–116. (In Russian).
10. Mal'tsev, V.V. (2001) *Printsipy ugovolnogo prava* [The principles of criminal law]. Volgograd: Volgograd Academy of the MIA of Russia.
11. Sidorenko, A.I. (2016) *Printsip pravovoy opredelennosti v sudebnoy praktike: implementatsiya resheniy evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [The principle of legal certainty in judicial practice: implementation of the decisions of the European Court of Human Rights]. Abstract of Law Cand. Diss. Perm', 28 c.
12. Derbysheva, E.A. (2017) *Printsip pravovoy opredelennosti kak trebovanie opredelennosti normy prava* [The principle of legal certainty as a requirement for the certainty of a rule of law]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 2. pp. 68–80. DOI: 10.7256/2409-7136.2017.2.21970. [Online] Available from: [http://e-notabene.ru/lr/article\\_21970.html](http://e-notabene.ru/lr/article_21970.html).
13. Malyutin, N.S. (2016) *Sudebnoe tolkovanie normativnykh pravovykh aktov v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoy aspekt* [Judicial interpretation of regulatory legal acts in the Russian Federation: A constitutional-legal aspect]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
14. Supcourt.ru. (2013) *O primeneniі sudami obshchey yurisdiksiі Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ot 4 noyabrya 1950 goda i Protokolov k ney: PPVS RF № 21 ot 27.06.2013* [On the application by courts of general jurisdiction of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950, and its Protocols: Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of 27 June 2013]. [Online] Available from: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8352/>.
15. Nechaev, A.D. (2017) *Kontseptual'nye osnovy i teoreticheskoe modelirovanie kriminalizatsii i dekriminalizatsii* [Conceptual foundations and theoretical modeling of criminalization and decriminalization]. Law Cand. Diss. Saratov.

16. Petrushenko, A.N. (2015) Scientific Foundation of Complicity Characteristics and Its Practical Realization in the Articles of Specific Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 1 (29). pp. 152–158. (In Russian).
17. Syrykh, V.V. & Vlasenko, V.N. (eds) (2016) *Verkhovensvo prava i pravovoe gosudarstvo* [The rule of law and the rule of law]. Proceedings of the 10th International Conference. Moscow: Russian State University of Justice.
18. Mikhaylov, A.A. (2016) The Principle of Proportionality: Essence, Practices of the European Court of Human Rights, Constitutional Court of the Russian Federation and Importance for Improvement of the System of Proof in the Modern Criminal Process in Russia. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (7). pp. 56–70. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/7/9
19. Zhukova, N.I., Kuznetsov, V.A. & Tsvetkov, A.V. (2019) Printsip proporsional'nosti v praktike Konstitutsionnogo Suda RF [The principle of proportionality in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*. 5. pp. 242–244. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/243/56213/>. (Accessed: 01.03.2019).
20. Lipkina, N.N. (2008) *Pravovye pozitsii Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka otnositel'no svobody usmotreniya gosudarstv pri osushchestvlenii vmeshatel'stva v prava i osnovnye svobody* [Legal positions of the European Court of Human Rights regarding freedom of discretion of states when intervening in rights and fundamental freedoms]. Law Cand. Diss. Moscow.
21. Maunz, D. (2009) *Grundgesetz*. 53. Aufl.
22. Malyutin, N.S. (2015) Problem of Evaluating Punishment Proportionality in the Acts of Judicial Interpretation (Based upon Examples of Administrative Fines). *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 7 (56). July. pp. 38–43. (In Russian).
23. Karasev, R.E. (2016) *Osushchestvlenie KS RF zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina* [The protection of human and civil rights and freedoms by the Constitutional Court of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.
24. Supcourt.ru. (2018) *O nekotorykh voprosakh sudebnoy praktiki po delam o prestupleniyakh protiv konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina (stat'i 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: PPVS RF № 46 ot 25.12.2018* [On some issues of judicial practice in cases of crimes against constitutional rights and freedoms of man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 46 of 25 December 2018]. [Online] Available from: <http://www.supcourt.ru/documents/own/27537/>.
25. Consultant.ru. (2019) *O vnesenii izmeneniya v stat'yu 138.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 02.08.2019 № 308-FZ* [On amending Article 138.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 308-FZ of 02 August 2019]. [Online] Available from: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_330689/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330689/).

Received: 20 September 2019